

СЛУЧАЙНОСТЬ СТАНОВИТСЯ НЕОБХОДИМОСТЬЮ

...Кончился последний акт... Все участники вышли на сцену, аплодировали композитору, художнику, дирижеру.

Все смотрели за кулисы, вызвали постановщика. Звали долго. Занавес опустился. Потом снова поднялся, и снова — ожидающий поворот всех участников к кулисам. Аплодисменты не утихают — в зале и на сцене. И наконец откуда-то из глубины сцены, из-за спин артистов буквально вытолкнули юношу в светлой кожаной курточке, черноволосого, с тонким, одухотворенным лицом.

Это Коля Боярчиков. ...Он мог бы стать инженером или биологом, музыкантом или врачом. Танцовщиком Коля стал почти случайно: его мама была педагогом хореографического училища, училище эвакуировалось во время войны в далекую Пермскую область, и когда пришла пора подумать о будущей профессии, то выбрать было не из чего, и он пошел в школу балета.

Не то, чтобы он очень увлекался танцем. Иногда становилось даже нудновато проделывать одни и те же утомительные упражнения. Но так бывает в жизни: вроде бы случайно выбранный путь становится благодаря обстоятельствам и в результате собственного нового к нему отношения твоим самым главным, любимым и интересным. Так случилось у Боярчикова. Он увлекся балетом, хорошо окончил Хореографическое училище у педагога Шаврова и начал работать в Малом театре оперы и балета.

Одна из первых его работ — «Болеро» Равеля. Четкий, темпераментный танец, удивительная по силе и ритму музыка, богатая хореографическая гамма — все это сделало «Болеро» одной из любимых партий Николая, и это — одна из лучших его работ.

Мечтательный, лирический Франц в «Голубом Дунае», острогротесковый образ швейного начальника в балете «Директивный бантик», классическая партия Павла в «Круге ада» — все это работы молодого танцовщика. Вы можете увидеть Н. Боярчикова также в балетах «Семь красавиц», «Корсар».

Характерная черта Николая-танцовщика — широкий балетный диапазон, умение перевоплощаться. Про него можно сказать, что он танцовщик-актер.

Если «Болеро» привлекало Николая своими хореографическими особенностями, то партия Инсарова, например, нравилась молодому танцовщику именно тем, что давала возможность раскрыться актерски.

Психологическая глубина образа всегда волнует Боярчикова, интересуется его. Когда Коля репетировал партию Павла в балете «Круг ада», интересно было наблюдать за его лицом: на нем отражались тяжкие переживания, глубокие мысли, сильные чувства — это было живое лицо человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию.

...Было уже совсем поздно, когда кончилась репетиция. Репетитор, заслуженная артистка РСФСР С. К. Шенна, чувствует, не очень довольна:

— Коленья, сегодня что-то не то... Усталы вы, что ли?

— Светлана Константиновна, вы думаете, у меня вчера выходной был? Я с девяти до девяти: то лекция в Консерватории, то в библиотеке занимался!

— Консерватория, лекция, библиотека? Это еще почему?

— А я поступил на балетмейстерское отделение, — рассказал Коля, — учусь уже почти на третьем курсе. Остались еще «хвосты» за второй: так некогда, все время занят... Вот кончим «Круг ада», а потом выпустим «Три мушкетера», возьмусь за учебу, сдам!

«Три мушкетера» — это совсем новый этап в Колиной творческой биографии.

После выхода «Круга ада» фамилия Боярчикова надолго исчезла из афиш Малого театра. Он был занят постановкой своего первого балета... Получилось интересное совпадение:

Николай Боярчиков ведет репетицию.

Фото М. Ширмана

в одно и то же время — буквально в день-два — Коля трижды сталкивался с «Тремя мушкетерами!» Однажды утром он услышал по радио интересную новую музыку, она ему понравилась. Потом объявили: «Вы слушали музыку композитора В. Баснера к балету «Три мушкетера». Что-то запало в Колино сердце...

Чуть ли не вечером того же дня он был на спектакле французского те-

тонко и профессионально подходит к музыке балета — основе спектакля.

У Боярчикова современный взгляд на балетный спектакль и соответственные качества: мастерство монтажа, удивительное чувство юмора и умение его использовать в спектакле. Коля большой выдумщик, он предлагает оригинальные пластические решения, интересные, порою спорные ситуации.

Кстати о спорах. По-моему, большим достоинством Боярчикова можно считать его творческую непреклонность: он будет спорить с любым авторитетом, отстаивать, если уверен, свою позицию до конца.

В совместной работе особенно виден человек. Вот Николай стал постановщиком и работает со своими товарищами, сверстниками. И вот что сказал в связи с этим один из артистов балета, секретарь комсомольской организации театра Валерий Долгалло:

— Коля — человек очень скромный, отзывчивый, он очень внимателен к товарищам. Работать с ним как с балетмейстером нам, танцовщикам, было очень интересно и приятно. Мы все с удовольствием оставались на репетиции, работали по многу часов. Он не «давил» на нас своим авторитетом постановщика, держался всегда очень просто, по-товарищески. В общем, если сказать коротко, Коля Боярчиков — наш общий любимец!

Разговорить Колю нелегко. Он немногословен, о себе рассказывает очень неохотно, всегда застенчиво улыбаются и машет рукой:

— А, что там рассказывать!.. Человек он довольно замкнутый, склонный к задумчивости, с некоторой грустинкой. В семейном альбоме у Боярчиковых есть давнишняя фотография: маленький Коля сидит, задумчиво подперев рукой подбородок. Что-то от этого Коли осталось до сих пор...

И тем не менее природный живой ум, великодушное чувство юмора накладывают отпечаток на творчество Н. Боярчикова.

Все, кто видел балет «Три мушкетера», согласятся: он очень многое рассказал о самом постановщике...

Боярчиков задумал ставить еще один новый балет, где никак не обойтись без этих качеств. Пока все еще в проектах, Боярчиков — в поисках «влезает» в материал, придумывает смотрит рисунки, начал писать либретто... Мысль уже бьется, человек уже творит...

Э. ЮЛИНА

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

атра Роже Планшона. «Три мушкетера» совершенно покорили Боярчикова, он был в восторге от постановки, от искрящегося, умного, удивительного французского юмора. И вспомнил утреннюю музыку... И что-то уже шевельнулось в нем...

А потом в коридоре театра его встретил главный балетмейстер И. Д. Бельский:

— Коля, я хочу тебе предложить работать над постановкой нового балета. Как ты смотришь на «Трех мушкетеров»?

Нет, это не могло быть случайностью! Это просто умница-жизнь соединила воедино давние, может, ему самому еще не очень ясные мысли и желания, наблюдения его старших товарищей и наставников, требование времени и еще сто разных вещей... Соединила и выразила в четкой и очень радостной задаче — пора ставить свой первый балет!

Историю постановки «Трех мушкетеров» можно рассказывать очень долго... О том, как Коля сам переделывал либретто, чтобы оно было ближе к его замыслу; о том, как менялись варианты постановки (до сих пор у Боярчикова сохранилась масса тетрадок, где они все записаны), о том, как они с художником Щегловым часами рылись в горах книг в библиотеке Академии художеств, знакомясь с костюмами и общим антуражем тех времен; и наконец — о репетициях, на которых Коля был уже не в черном трико танцовщика, а в куртке или темной рубашке и в обычных брюках.

На репетициях Коля говорил мало, почти все «протанцовывал» вместе с танцовщиками, даже и женские партии! В работе над балетом бывали большие перерывы, приходилось на репетициях вспоминать, что-то обдумывать заново.

Коля говорил: — Здесь не обязательно делать точно так. Поймите сами, как вам кажется удобнее, интереснее, правильнее...

Главный балетмейстер театра И. Д. Бельский говорит о Колиной работе:

— Боярчиков, как балетмейстер, мыслит очень самостоятельно. У него интересные композиционные задумки. Он не просто сочинитель танца, а, я бы сказал, балетмейстер-драматург. Коля очень музыкален